

ДАЛИ
ИСКУССТВА

ФЕДОР РОКОТОВ

УЖЕ составив себе имя портретиста и став академиком в двадцать девять лет, Федор Рокотов в конце 1760-х годов бежал из Петербургской академии художеств, где обязан был служить и прислуживать. Блистательно сказал в следующем веке гениальный русский живописец Александр Иванов: «...в шитом высоко стоящем воротнике... нельзя ничего сделать, кроме стоять вытянувшись».

Из Северной Пальмиры Рокотов бежит в Москву, по существу, свою родину — родом он из подмосковного села. В Москве живет вольготно и зажиточно — членом Английского клуба и домовладельцем. Свою мастерскую устраивает на Старой Басманной, где селились вельможи, офицеры, чиновники, купцы и заводчики. В Москве художник почти отказывается от парадных портретов. Полотна, созданные здесь, интимнее, личнее, в них много воздуха и простора. Кто-то из исследователей назвал московские портреты Рокотова «портретами-симфониями». Имя художника становится знаменитым. Чиновным недоброхотам это пришлось не по вкусу, они отписывали в Академию, что Рокотов «за славою стал спесив и важен...». Так оценивалось то чувство собственного достоинства, которым Рокотов всегда отличался.

Художника называют загадочным портретистом. Не только потому, что, как писали, он «сам остался в какой-то непроницаемой маске», но в масках, отмеченных таинственными «рокотовскими улыбками», и герои его портретов. Герои, которых понимал художник и которые понимали художника. Портреты взаимного доверия. Не только великолепные по цвету и мастерству, но и тонченно психологичные. Фамилии и титулы многих известны, но без рокотовских портретов они все же незнакомцы далекой эпохи. Только художник сохраняет их живыми людьми...

...Три лица, три портрета, три судьбы... Одно излучает бесконечную ласку и мягкую нежность, второе — неукротимо-неуправляемую энергию; прелестно, доверчиво-растеряно третье. Не кисть художника связала их — жизнь. Но почему же в портрете Струйской столько личного чувства, столько трепетного обожания, проникновенного понимания гения ее существа? Тайну приходится подозревать.

*Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза —*

*как два обмана,
Покрытых милою неудач,
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуслеп,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье*

смертных мук.

Так писал Заболоцкий о портрете Александры Петровны Струйской. Мы смотрим на портрет и слышим голос очарования, понимая: эта женщина добра, чутка и смятенна. Портрет вызывает в памяти легкость полета лани или серны, прерванного внезапно явлением удивляющим, одновременно радующим и повергающим в грусть. Как будто Струйской в это мгновение задали вопрос сокровенный, выслушала она признание — ожиданное, желанное и пугающее одновременно. Потому слегка приподняты ее брови и выражение ласкового недоумения-беспокойства зыбкой пеленой дрожит на лице...

Глаза — два тумана смотрели, как, нервно и суетливо потирая руки, выходил навстречу художнику ее муж, кричал: «То Рокотов: мой друг!». Сыпал стихами и новостями. Он жил вспышками, и никогда нельзя было предугадать их очередность и закономерность. Давнее знакомство связывало художника с богатым помещиком. Струй-

ский проявлял страстный интерес к литературе, в собственной типографии издавал свои стихи. Он тащил Рокотова к себе в кабинет, утомлял бесконечными спотыкающимися стихами. Художник прощал ему их за искренность, за обожествление Струйским живописи, его, рокотовских, портретов.

«Рокотов!.. — высокопарно восклицал Струйский. — Достойн ты назван быти по смерти сыном дщери Юпитеровой, ибо и в жизни ты ныне от сынов Аполлона любимцем тоя именуешься». И плясала в его глазах сумасшедшинка... Она пляшет и на портрете. С бледного, очень подвижного, худого лица, искривленного диковатой улыбкой, смотрят раскаленные угли глаз. Струйский появляется из мерцающего, блуждающего фона. Краски то вспыхивают, то замирают. Такой видел жизнь Струйский или такая жизнь его породила. В маленьком неправильном лице, которое называли «дерзким и вызывающим», много большой претензии. Бесцельные желания, ненаправленный порыв, бесталанная фантазия. Есть что-то актерское, клоунское — большие темные, словно подрисованные брови и выпяченные красные губы усиливают это впечатление.

Жизнь сотрясала слабую натуру помещика и издателя, он забывался, самозабвенно читая стихи собеседнику, в пылу восторга хватал его за плечо мертвой хваткой. Но жизнь его была заблуждением. Державин сочинил ему эпитафию:

*Поэт тут погребен:
по имени струя,
А по стихам — болото.*

...Глаза — два обмана испытующе смотрели на Николая Еремеевича Струйского. Глаза жены — его второй жены.

«Портрет неизвестного в треуголке» работы Рокотова также принадлежал Струйскому. Предполагают: на портрете мужским одеянием почему-то скрыто изображение первой жены помещика-стихотворца. Рентген выявил написанную ранее женскую фигуру. Лицо приходит к нам как бы издалека. В нем слышится далекое сожаление о чем-то. Карие глаза полны мягкого жизненного огня, теплого сияния добра, преисполнены ласки, доверчивая улыбка трогает уста. Лицо плохо уживается с одеянием, в котором словно сумятица и ряженность. Замечали сходство черной тюлевой накидки с маскарадным домино. Удивляло и другое: в тот период творчества изображение модели в головном уборе — для Рокотова явление почти исключительное...

Портрет дышит искренностью чувства. Женщина на портрете (предположим, что так) говорит будто: «Любить — вот что важно, друзья, только любить».

Портрет доверия и очарования рядом с портретом сомнения и очарования. Между ними полу-безумный вихрь, сеющий недоумение.

Струйский, страстный поклонник Сумарокова, заказывает Рокотову портрет поэта.

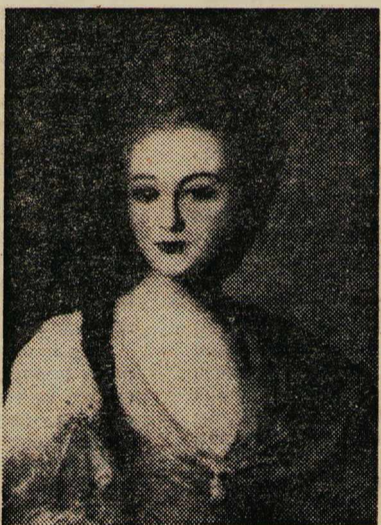
На портрете Сумароков — испытывавший жизнь и испытанный жизнью. Высоко ставящий собственное достоинство, понимающий свою роль поэта. Возглашающий: «А я невежества и плутней не боюсь...»; призывающий: «Не любя злодейства, лести, сребролюбие гони...»; утверждающий значение ума и таланта против наследственных титулов: «Достоин я, коль я сыскал почтенье сам». Брезгливое опасение («где ни ступишь, тут ложь») соседствует на красноватом лице с уязвленностью и презрением к тем, кто унизил его поэтически заслуги, недооценил деятельность на поприще театра. «Хожу, таская грусть»... Грусть поэт разносил по кабакам. Он шел туда вот так, как изображен: с обрюзгим лицом, тяжелым от лет и вина, в анненской ленте через плечо — не стыдясь, а будто бросая вызов...

И поэт Василий Майков, автор «ирико-комических поэм», баснописец, представлен в галерее Рокотова. Вслед Сумарокову-призывал Майков к нравственному совершенствованию: «Противу злобы ополчайтесь».

Но сам Майков малым не довольствовался, жадно, хоть и неудачливо стремился к жизненному успеху... Противоречивая двойственность характера отражена в портрете, который часто называют самым «земным» в творчестве Рокотова. Умная зоркость соединена здесь с не-

Ф. РОКОТОВ. Портрет Н. Е. Струйской.

Портрет А. П. Струйской.

Портрет неизвестного в треуголке.

знающей пощадой насмешкой и чувственным самодовольством человека, любящего пожить властью. Фон портрета светлый, теряющий обычную для Рокотова таинственность, — многоцветен, как жизнь, на которую Майков взирал с видимым удовольствием. Он даже лоснится от этого удовольствия, чуть ли не прищмокивает, как бы снисходительно вещая: «Любите жизнь во всех ее проявлениях, как люблю ее я...» Есть в этом призыве что-то плутовское, чуточку обольщающее.

Герои портретов Рокотова смотрят на нас издалека, с трюнов своих мыслей и чувств — цари в себе, их улыбки пронизаны всезнающей грустью. Говорят, художник придавал моделям

черты своего идеала, идеала времени... Как бы там ни было, но герой многих портретов Рокотова — несомненно человек, умеющий и вынужденный размышлять, часто — близкий к передовым кругам своего времени, иногда — символ страдающей, рвущейся из оков мысли эпохи.

Грезил ли Рокотов? Был фантазером от реальности. Был суровейшим реалистом от фантазии. Наверное, его портреты отражали и суть человека, и суждение художника о человеке, что почти всегда неизбежно. Поражает другое — как мог извлекать из модели самое сокровенное, тот факел, который горит в человеке и является его душой ли, мыслью, чувством, духом бытия?!

Можно заметить, что в своих портретах Рокотов отдавал предпочтение так называемым странным людям. Необычным. Так или иначе выделяющимся из общего ряда. Разве не таковы Струйский, Сумароков...

Сказанное обаяние рокотовской дымки — впечатление вуали тайны, вуали времени; притокрой вуаль — ослепительная красота или обнаженное невероятие раскрытой тайны поразит молнией. Но вуаль не приоткрывается, тайна вечна. Молния не ослепит. Лицо мягко освещено — человек окружен расцветной ясностью. Свет ли освещает человека, человек ли источник сияния? Мгла времени — многокрасочен движущийся, меняющий цвета фон... Люди рождаются из этой мглы и не исчезают в ней. Человек загорается на портрете и волей живописца горит вечно. Живописец околдовывает время, оно забывает похитить человека и, всецелое, превращается в охраняющую пелену — неосторожного прикосновения не происходит. Таков Рокотов, всемогущий и не злоупотребляющий своей властью. Время рождает людей, время принадлежит людям. Потому так сияюще-привлекательны, полны жизненной силы и лукавства его лица — контрастирующие с всезнающими, грустящими, думающими, ощупывающими свою жизнь глазами, светящимися изнутри.

Великая неисчерпаемость и непостоянство — женские портреты у Рокотова. Гармония крика и нежно зовущего голоса.

Молода, прекрасна и счастлива Орлова. Державна. Властительница жизни — образцовая придворная дама, орденовая лента через плечо, сверкающий бриллиантами вензель, горностаевая мантия... Через два года княжны не станет — болезненная утонченность замечена и в портрете. Снисходительная улыбка смягчает насмешливое лицо, сообщая ему легкую грусть и высветившая утомленность. «Я вам нравлюсь?! — утвердительно вопрошает нежное, трепетное лицо. — Не так ли? Но кто вы, чтобы нравиться мне?» Одаряет собою...

Надменная, горда, величава двадцатилетняя Варвара Новосильцова...

А Суровцева — образ простодушия и доброты, порыва и вдохновения, радостной самоотверженности! Блистательно написано струящееся, почти светящееся платье: платье — поэма чуждо портных — не подавляет, звучит сопровождающей мелодией, точным аккомпанементом лицу модели, лицо лучится, живет и торжествует. Даже буйные роскошные «рокотовские» волосы, взметнувшиеся, как знамя, — настроение человека. «Мне хорошо, — говорит портрет, — мне славно, я добра, приезжайте к нам. Вы мне нравитесь, раз я нравлюсь вам».

Приветливо-здумчиво лицо Воронцовой, дочери Артемия Волынского, казенного Бирюнова. Складка горечи не портит легкой улыбки. Усиливает впечатление рассеянности и усталости — следствие долгого ожидания. В глубинах карих глаз — прошлое, затененное го-

дами благополучия, но не утраченное, не забытое. За строптивого и гордого отца своего была сослана она в монашескую неволю. Но ушли годы тревоги, перед нами — успокоенная красивая зрелость.

...Ободрающе-снисходительны улыбки; интригующе-тающие взгляды глаз-туманов, их называют загадочными, они не поддаются дешифровке. Взгляд, воссозданный художником, — душа, а она скрывает чувства, сотканые в разнообразие узоров, оставляя нам лишь отсветы запряганно-польхующих костров...

Есть у Рокотова и так называемые репрезентативные портреты. Но никогда сословная принадлежность у него не главенствовала: только личность человека, его суть, неповторимость, неоднозначность и сложность. Художник игнорировал призывы современного ему теоретика искусства Архипа Иванова: чтобы «каждый был одет по чиносостоянию своему, поедиду одни только наряды могут показывать в живописи различие между людьми»... О сословной принадлежности и у Рокотова говорит одежда. Но как бы между прочим. Люди жили в этой одежде — в своих париках, камзолах, атласных кафтанах, орденовских лентах, кружевах, украшениях. Главная роль блестящей и с удовольствием изображаемой мишуры (несколькими ударами — касаниями кисти художник воссоздает звезду серебряного аграфы на треуголке) — настроение, предвосхищение, предвкушение встречи с главным — лицом человека. Два портрета писаны Рокотовым с графа Ивана Орлова. На первом — властный, надменный человек, чей тяжелый подбородок кажется высеченным из камня. По лицу разлитая сановная тяжесть. Ее достойно оттеняет богатый темно-голубой, опушенный мехом кафтан с воротником, шитым золотом. Человек, достигший многого, не желающий потерять и малости. Пристальные серые глаза спокойны, но ощупывают предосторожно... Второй портрет — второе «я» Ивана Орлова. Здесь он просто довольный собой, снисходительно поглядывающий большой барин. Парадными одеждами не стеснен. Одет без затей. Сам — добрее, задумчивее, может быть, прозорливее. Портрет словно иллюстрирует поведение Орлова в жизни — вельможа не стремился быть первым, самым заметным, понимая, очевидно, что, высоко взлетев, можно низко упасть.

Кисть Рокотова живописала писателей, государственных и военных деятелей. Богатство и тонкость колорита его картин, многозвучные гаммы красок говорят не только о высочайшем мастерстве, но и о большом таланте чувства и ума. Рокотов первый утвердил право живописца жить в своих картинах своими страстями. Он был взволнованным и страстным поэтом. Поэтичность и лиризм — общепризнанные свойства его картин.

...Но уходит время — XVIII век. Пока не найдено ни одной работы художника, помеченной XIX веком. Объясняют это резким падением зрения. Тень забвения падает на мастера. Не Рокотова ли имел в виду Зодчий Баженов, когда писал в конце века императору Павлу: «...появились...прямые и великого духа российские художники, оказавшие свои дарования, но цену им не многие знали, и сии розы от терний зависти либо невежества засохли». Приходит и иная пора в русском искусстве — классицизм.

Семидесятирехлетний Рокотов уходит из жизни в декабре 1808 года. Творчество художника забывается прочно. И лишь Великая Октябрьская социалистическая революция вновь делает его имя громозвучным и известным народу.

Виктор ЛИПАТОВ